

Чеснокова Серафима

10 класс, школа 76, Санкт-Петербург

Пресс-центр «Поколение» (руководитель – Светлана Николаевна Карпова)

Рецензия на спектакль «Много шума из ничего» театра «Суббота»

Куб. Заложники. Смерть

Чистая геометрия. Точные расчеты. Окружность – женщина. Треугольник – мужчина. Мы ходим по кругу или двигаемся от одного угла к другому. И в том, и другом случае, все достигаем конца – смерти, так и не познав суть своего «я», а может, чужого. Сыграем в орла и решку? Смерть любит игры, только после вашего конца в душном черном ящике.

Возьмем апельсин в руки, разорвем оранжевую кожу, и останется только сок и рыхлая мякоть. Обычно так «чистят» девушек перед замужеством или знакомством со своим будущим суженым. На сцене театра Суббота в спектакле «Много шума из ничего» так почистят и Геро (Варвару Смирнову-Несвицкую). Чем не феминистический ад?

Спектакль Галины Ждановой поставлен по мотивам одноименной пьесы Уильяма Шекспира. Также режиссер включила отрывки из произведений М. Фриша, Клима, П. Короленко, Т. Стоппарда, Д. Хармса, М. Цветаевой, каждый из которых находится в сложных отношениях с основным текстом пьесы Шекспира.

«Я». Кто «Я»? Мы называем свое имя в последнюю очередь. Сначала идут: а, мама, папа. А потом, быть может, когда позовут нас, скажут: «Эй ты!» Мы неловко укажем на сердце и неуверенно промолвим: «Я?». Пространные рассуждения о самопознании от Беатриче (Софьи Андреевой), сидящей в тесном ящике. Душно. Темно. Страшно. На него впоследствии влезут три милых подружки: сестрица Геро, монашка Франческа (Марина Конюшко) и Маргарита. Совсем задавили бедную Беатриче. Под давлением она откажется

от своих мнений или самомнений и влюбится в Бенедикта (Ивана Байкалова). Странно, получается, что «обнажают» и Геро, и Беатриче, и даже Бенедикта. Можно было подумать, что это и, правда, феминистическая теория. Но здесь и мужчина выступает в роли жертвы. Ведь его уже режут, полосуют на операционном столе. Постепенно достают разные, несвязные между собой буквы и органы. Очистили? Достали все грехи – целлофановые пакеты. Теперь он готов к смерти или к любви. Или и к смерти, и любви. Здесь каждого засунули в свой темный душный ящик. Для кого-то идеальную вселенную, а для кого-то – смерть.

Теперь мы все чисты и безлики. На «вечеринке портретов» актеры представят свое «я». Возможно, чужое. Возможно, новое «я» героя. Но все-таки свое, родное. Мы все крадем чужие «я» и из того «я» создаем свое. Приживется ли оно? Неизвестно. Но пока, фото пройдут по рукам и головам. Вскрытие прошло успешно. Все избавились от прошлых своих «я». Им пересадили новое «я». Подопытные кролики чьих-то безумных идей. Возможно, Творца. Хотя, в масштабах спектакля, этим «Творцом» выступает Дон Джон. Второе лицо и брат Дона Педро (Владимира Шабельникова). Он является на сцену в простой военной форме. Чем невыразительнее его мимика и скучнее жесты, тем лучше для всех, ведь любое движение пальца — приказ (например, отжиматься в позе задумчивого удава), а любая прихоть (например, поженить «старых холостяков» Беатриче и Бенедикта) — закон. Но он же и перевоплощается в злодея Дона Джона. Тот тайный брат, узник в смиренной рубашке, становится почти достойным, мрачным и красноречивым alter ego опасного солдата, самоназначенного повелителя жизни в отдельно взятой Мессине. Но все же по его велению и его хотению признания в любви произнесут и свадьбы сыграют.

Прекрасно. Правда что-то не цепляет. Не доверяют действию? Повторят словами! Где на действие не остается времени и сил, быстренько сообщат «содержание прошлых серий»! Где образу недостает актерской (или режиссерской?) выдержки — смягчат, разнообразят или же вовсе дадут

сыграть другого персонажа. Похоже, кто-то замахнулся на Бутусова. Все эти долгие монологи, взятые из различных литературных произведений, упорная работа с формой. Правда, выходит что-то не то. И даже во время напряженной сцены, где Гера, завернутая в «трупный мешок» уходит на смерть, почему-то хочется смеяться. Наверное, потому, что повсюду разбросанные пакеты, вечно цепляются за ее босые ноги.

Кругом смерть. Смерть нашего «я», которое никто и никогда так и не найдет. Сколько боли в любви. Мы отказываемся от своего, пусть еще не сформированного «я», и принимаем другое, навязанное нам «я», ради боли и чьих-то грез об огромной, дарованной Купидоном стреле. Мы становимся фарфоровыми статуэтками с забеленными лицами, ради псевдочистоты. Ради боли и смерти своего «я». Ради унижений и физических страданий. Мы становимся пустыми, полностью выпотрошенными, с одним только чувством привязанности к другому, ради того, чтобы в агонии произнести «я люблю тебя!» и упасть бременем на плечи любимого со своими нелепыми чувствами.

Как странно выглядела первая свадьба Геро и Клавдио (Владислава Демьяненко). Фата-шлейф из строительного целлофана, мусорные пакеты вместо нормального свадебного платья, лук, водруженный на голову Геро, череп для клятвы «счастливых молодоженов». Геро, и правда, оказалась мусором. Умерла как женщина, как личность на руках у отца, который сам бы убил свою «легкомысленную дочь», если бы не приступ неконтролируемой агрессии жениха. Она ушла. И вновь пришла на свадьбу в похоронном стиле. Поженились? Уже счастливы? Сомнительно. Грехи, подобно целлофановым пакетам, долго разлагаются.

Проверка. Сыграем в орла и решку? Хотя, зачем. Смерть уже упаковала всех в темные душные ящики точной геометрической формы. Больно? Отнюдь. Никто ничего не чувствует. Все опустошены, но все еще верят в счастье. Почему бы и нет. Все равно никто не узнает точное время своей кончины, да и даже этого не почувствует.